

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

8

1942

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВОСЬМАЯ
КНИГА

АВГУСТ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ
1942

Содержание

	<i>Стр.</i>
М. ВОДОПЬЯНОВ — Из записок военного летчика	3
П. АНТОКОЛЬСКИЙ — Чклов, <i>драматическая поэма</i>	18
В. КОСТЫЛЕВ — Иван Грозный, <i>роман</i> (окончание)	29
ИЛЬЯ СЕЛВИНСКИЙ — Россия, <i>стихи</i>	81
Б. ГАЛИН — В городе Н. (Записки разведчицы)	83
Е. ШЕВЕЛЁВА — Сон, <i>стихи</i>	92
» — Альпийский поход, <i>народная песня</i> (перевод с чешского В. Казина)	93
А. САФРОНОВ — Золотой локоп, <i>рассказ</i>	94

ПУБЛИЦИСТИКА

С. МАРШАК — Жизнь побждает смерть	97
А. ТРОЯНОВСКИЙ — Кровь, труд, пот и слезы	99
Подполковник М. ТОЛЧЕНОВ — Война на Тихом океане	105
К. ПИГАРЕВ — Суворов в своих письмах	119

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

З. КЕДРИНА — Своими глазами	128
Е. ГЕРАСИМОВ — Первые герои	129

Чкалов¹

Драматическая поэма

1

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ ВЕДУЩИЕ

Товарищи! Когда мы тут играем,
Летает «Юнкерс» над Советским краем,
В огне взрывается фугас.
Огонь, зажженный варварскою злобой,
Огонь, раздутый тварью интеллобой,
Не втопан в землю, не погас.

Прожектора встречаются в тучах
Нащупывают дьяволов летучих,
Стремглаз пикирующих вниз.
И вся земля обуглена сегодня
Огнем средневековой преисподней.
Огонь, куда ния оглянись!

Огонь, огонь... Не для того стихши,
Обузданные, смиренные, глухие,
Ворча, у наших ног леги.
Не для того звенел металл, и в недрах
Чернела нефть, и столько было щедрых
Зеленых весен у земли.

Не для того шел в ссылке юный Сталин,
И лампы школ, и вузов, и читален
Пылали ярче и ясней.
Не для того трудились и боролись
С природой люди, и летел на полюс
Великий летчик наших дней.

Валерий Чкалов! Вот из вьюги снежной
Он встал — простой, широкоплечий, нежный,
Равно всем людям дорогой.
Он людям нес не гибель, не увечья.
Боролся он за счастье человечье
С полярной лютою пургой.

Он стал легендой. Ближните или троньте,
И он воскреснет в Арктике, на фронте,
Незабываемый во всем.

¹ Репертуар фронтового театра имени В. П. Чкалова.

Сегодня нашей песней и игрою
Хотим мы вам напомнить о герое,
Чье имя светлое несем.

2

Квартира Чкалова в Москве. Весна 1937 года.
Начало ночи. Друзья легки в ожидании
хозяина дремлют—кто у стола, кто на диване,
иные курят.

Вбегает Чкалов

ГОЛОСА

Ну, наконец-то. Вот и он!

ЧКАЛОВ

Внимание!

Вот это день, вот это торжество!
Еще я сам не свой, еще в тумане,
Не оценил восторга своего.
Где Байдуков?

БАЙДУКОВ

Я здесь!

ЧКАЛОВ

Проснись же, дьявол!

Встань. Вот оружие. Застегни ремни.
Во сне ты, видно, в Мертвом море плавал.
Очнись!

БАЙДУКОВ

Да не трясц меня, не мни!

ЧКАЛОВ

Где Беляков?

БЕЛЯКОВ

Есть Беляков!

ЧКАЛОВ

Ребята!

Где хлеб? Где водка? Все на стол мечи!
Недаром я летел сюда с Арбата
И чуть не спутал адреса в ночи.

ГОЛОС.

Кто тамада?

ЧЕЛОВ

Нам тамада не нужен.
А если хочешь, сам я тамада.

БАЙДУКОВ

Рассказывай.

ЧЕЛОВ

Пускай доставят ужины.
Все что есть в доме, все на стол сюда!
Налить стаканы!

БАЙДУКОВ

Объясни хоть кратко.

ЧЕЛОВ

Здесь краткость абсолютно не нужна.

БАЙДУКОВ

Хоть намеки...

ГОЛОСА

Чур, не шуметь! К порядку!

ЧЕЛОВ

Как? Пир без женщины? Где моя жена?
Где Ольга? Почему она в постели?
Пока шпрют на земле друзья,
Пока мы тут, пока не улетели,
Спать нашим женщинам никак нельзя.

Входит Ольга

Вот и она. Красавица, прости нам
И поздний час и лагерный содом.
Мы не привыкли все еще к гостинным
И в комнате вмещаемся с трудом.
Начнем?

БЕЛЯКОВ

Начнем.

ГОЛОСА

— Не осушать бокалов.—
Вношу предлож...— Вы слов лишены.—
Вношу поправ...— Имеет слово Челов.—
Ура!— Не нарушайте тишины.

ЧЕЛОВ

Ну, что сказать? Мы первые на свете
Летим сквозь ледяное серебро
В Америку. Пускай мешает ветер,
Пускай сплошная ночь на всей планете...
Так хочет Сталин и Политбюро!
Я был у Сталина. Я видел друга,
Так близко видел, как тебя сейчас.
Я пожимал ему, прощаясь, руку.
Я спорил с ним, волнуясь и учась.
Расспрашивайте, что же вы?

ОЛЬГА

Какой он?

ЧЕЛОВ

Такой, как описал его Барбюс,
Как пел Джембуз. Приветлив, строг, спокоен,

Внимателен. Но об заклад полюбьюсь,
Что это все не выражает сути.

БЕЛЯКОВ

Что было главным?

ЧЕЛОВ

Главное? Постой.

Попробую. Вы сами дорисуйте.
Казалось, я стою над высотой.
Казалось, где-то среди скал кавказских
Мне сила ветра шапку сорвала,
И стало жизнью, что читал я в сказках,
И рядом промелькнула тень орла.
Он говорил, как все мы. То есть просто.
Но повторить того, что он сказал,
Немыслимо. Мне нехватает роста.
Тут нужен стадион. Колонный зал.
Стратег. Политбюк. Воздь. Не только это.
Сквозь простоту, в строгость, и покой
Душа моя увидела поэта.
Поэт. Вот слово! Вот кто он такой!
Он видит будущее так же ясно,
Как ты меня. Он видит из Кремля,
Что шар земной пожаром опоясан,
Что в муках содрогается земля.
Вот отчето маршрут прочерчен твердо,
Вот отчето и я, и ты, и ты
На полюс полетим не для рекорда,
А в исполненье сталинской мечты.

БАЙДУКОВ

Да здравствует товарищ Сталин! Встанем!

БЕЛЯКОВ

За родину!

ГОЛОСА

За ваш полет. Ура!

ОЛЬГА

За вашу дружбу. Перед расставаньем
Всех обнимаю нежно, как сестра.

БАЙДУКОВ

Что он еще сказал?

ЧЕЛОВ

Всего не помню.

ОЛЬГА

Ты волнуешься?

ЧЕЛОВ

А еще бы нет!

Но вот когда особенно легко мне
Вдруг сделалось. Вошли мы в кабинет.
Он закурил и шурится. Я замер.
Смотрю: из трубки вьется легкий дым.
И говорит он вдруг, сверкнув глазами:
— Я бы хотел быть снова молодым.

БЕЛЯКОВ

Так и сказал?

ЧКАЛОВ

Да, точно так, до слова.
Потом прибавил тихо:— Я хочу
Все испытать, что было в жизни, снова.
Слегка меня ударил по плечу
И шепчет мне... и то была вершина
Всей этой встречи, всех возможных встреч...

— Нам человек дороже, чем машина.
И он велел мне жизнь мою беречь.
Я весь затрясся. Лопочу невнятно,
Что, дескать, благодарен, что могу
Жизнь за него... В глазах мелькают пятна.
Обрывки мыслей кружатся в мозгу.

БАНДУКОВ

За Чкалова, товарищи!

ЧКАЛОВ

Нет, милый,
Постой еще. Наговорилась власть.
За то, что нас взрастало и вскормило,
За власть Советов! Да, за нашу власть!
За то, что наше сердце шибче бьется,
Когда мы славим родину, друзья,
За то, что в песнях искренно поется,
Но даже в песнях выразить нельзя!

Песня

За зоркость бойца, что стоит на дозоре,
За все без конца наши ночи и зори.

За нашу машину, за наш перелет.
На север, на север, на север — вперед!

Высоко до звезд поднимаем мы чашу,
За скорость, и рост, и за молодость нашу.

Нас буря не ломит, гроза не берет.
На север, на север, на север — вперед!

За музыку ту, что от века ликуя
Влечет в высоту вереницу людскую,

Поет нам о славе, о счастье поет...
На север, на север, на север — вперед!

3

Где-то около аэродрома

ЧКАЛОВ

Вот и пришла та самая минута,
Которой ты боялась.

ОЛЬГА

Погоди.

Не говори ни слова мне, как будто
Не час у нас, а месяц впереди.
Что ж ты смеешься?

ЧКАЛОВ

Месяц это мало.

Вся вечность впереди, мой вечный друг.

Пойми же, как всегда ты понимала,
Не плача, не ломая слабых рук.
Да, ремесло опасное. Да, летчик.
Да, испытатель, и притом смельчак.
Да, забываю, что растет сыночек,
Что голова одна лишь на плечах.

ОЛЬГА

Неправильно ты говоришь. Не падо.
Я знаю все. Я умная жена.
Ты сам мне говорил. Но я не рада,
Что эта встреча так напряжена.
Поговорим о будущем. Недолго
Осталось ждать до лета. Мы опять
Поедем к твоему отцу, на Волгу.
Ты отдохнешь, почей не будешь спать.
Зажжешь костер на пойме с рыбаками
До ранних зорь, обрызганных росой.
Присядешь в полдень на горячий камень,
Пойдешь купаться вечером босой.
А осенью — в Москву!

ЧКАЛОВ

Ты молодчина!

Ты, Деля, штурман и механик мой.
Спасибо!

ОЛЬГА

Вот еще одна причина,
Чтоб не притти заплаканной домой.

ЧКАЛОВ

Все хорошо. Все ясно. Нам осталась
Еще минута. Помни навсегда:
Ни низкий страх, ни низкая усталость
Нам не сорвут любимого труда.
В любую мглу, в любую непогоду,
В любых краях, на высоте любой
Мы будем только зорче год от году.
И в грозный час, когда начнется бой,
Простимся так же нежно, так же скромно,
Не пряча глаз, волнения не тая:
Муж и жена. На всей земле огромной
Два самых близких друга — ты и я!
Прощай!

ОЛЬГА

До скорого свиданья, милый!
Я буду рядом всюду и всегда.
И если страхом сердце защемило,
Прости мне эту слабость. До свиданья...

ЧКАЛОВ

Э, тупенькая! Что ж ты, напоследок
Не выдержала?

ОЛЬГА

Как мне тяжело.

ЧКАЛОВ

Ну, улыбнись еще раз. Да не эдак,
По-старому. Теперь прошло?

ОЛЬГА

Немного полегчало.

ЧКАЛОВ

Сотри слезу, пока я сам не стер.
А то ей-богу, Леля, неприлично:
Вдруг щелкнет лейкой фоторепортер.

4

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ ВЕДУЩИЕ

На север, на север, на север — вперед!
Нас за сердце доблесть людская берет.
Летят они к полюсу в пляске метелей,
Как люди еще никогда не летели.

Хочет, и плачет, и злится пурга.
Им смертью грозит ледяная карга.
Но слажено все для рекордного дела,
За каждым прибором стража доглядела,
Варила им сталь, шлифовала стекло,
Чтоб ночь распахнуть перед ними светло.

Е ним рвутся цветов золотые охапки,
Оркестры, знамена, и руки, и шапки.
А там, одрокинута чашей вися,
Им наша планета подарена вся.
Тот самый поручен им глобус, который
Боперние швырнул в мировые просторы.

А там, еле видный народам во тьме,
Пунктиром намеченный в светлом уме,—
Вот он, в сочетании расчета и риска,
Весь путь — от Московского моря до Фриско.

5

Внутри самолета

ЧКАЛОВ

Как самочувствие?

БАЙДУКОВ

Дыханье сперто.
Опять из-под ногтей сочится кровь.
Звенит в ушах, мешает слушать.

ЧКАЛОВ

Расспросы о здоровье! Приготовь
Мне рацию.

БЕЛЯКОВ

Нам горняки Урала
И пионеры горьковские шлют
Привет. На Баренцовом проорала
Норвежская шаланда свой салют.
Медведица нам машет на Аляске
Босматой лапой, теща медвежат.

ЧКАЛОВ

Долой! Лови Европу!

БЕЛЯКОВ

Джаз и пляска.
В Берлине лают. В Чехии дрожат.
И снова джаз. И снова писк мышиний.
И снова шифры сводок биржевых.
Казармы, как дробильные машины,
Заглатывают рекрутов живых.
И снова немец угрожает смертью
Кому-то там в пространстве ледяном.

ЧКАЛОВ

Летим вслепую. Попытайтесь, смертью
Координаты.

БАЙДУКОВ

Арктика вверх дном.

ЧКАЛОВ

Сплошное молоко. Сплошная вата.
Как пробивать? Как направление взять?
Что ж, Арктика ни в чем не виновата.
Не обжитое место, так сказать.
И самолет — не южный санаторий,
А, как ни кинь, совсем наоборот!
Я бы зашел, свирепой вьюге вторя,
Да вьюга мне сама набется в рот.
Эй, старая приятельница! Как там
Тебе угодно зваться пред людьми?
Тебя я ставлю прямо перед фактом.
Вот наша песня волжская. Возьми!

БАЙДУКОВ

Нет кислорода. К чорту отработан
Пустой баллон. Кружится голова.

БЕЛЯКОВ

По погодите. Наконец-то вот он,
Родной язык. Вот, наконец, Москва!
Так далеко, в таких краях безмолвных,
Хоть ты, коробка, речь ее слови,
Хоть еле слышно, на коротких волнах,
Спой о моей единственной любви.

ЧКАЛОВ

Дышать. Дышать. Всей клеткой ребер
могучих.
Всей грудью. Всем напором существа.
Пить кислород из кубков полуночных.
Дышать! Любить! Ловить тебя, Москва!

Пока нам вьюга рук не оторвала,
Пока наш крик последний не замрет,—
Жить, не сдаваться, не сдавать штурвала.
Сквозь ночь,

сквозь вьюгу,

сквозь туман —
вперед!

6

В Васплеве. Раннее утро. Лето 1938 года.
На скамейке сидит простоволосый парень.
В руках у него бумажная модель самолета.
Входит Чкалов.

ЧКАЛОВ

Прости, дружище, опоздал.

БОЛЯ

Ну, что вы!

Я ждал, да время даром не терял.

ЧКАЛОВ

Как дело подвигается?

БОЛЯ

Готово.

Вот только больно жидок материал,—
Боюсь, расклевается моя картонка.

ЧКАЛОВ

Дай-ка пощупать. Крылья хороши,
Но хвостовое оперенье тонко
И легковесно. Боля, не спеши!
Машина, сделанная по модели,
Сейчас же в землю врежется выштом.
Ты сколько дней работал?

БОЛЯ

Полнедели.

ЧКАЛОВ

А надо — месяц. И сломать потом.
И заново начать. И не сдаваться.
Бромсать, калечить, изощрять чертеж,
Детали переделывать раз двадцать,—
Тогда решение верное найдешь.
Да не сопи ты носом. Не поможет.

БОЛЯ

Нет, я, Валерий Палыч, не соплю.
Я думаю: не много вес умножит
Нагрузка бомб такому кораблю?
Не будет он устойчивей?

ЧКАЛОВ

Конечно.

БОЛЯ

Я, значит, заблудился по пути.
Машина сдувырнется.

ЧКАЛОВ

Слишком спешно

Решил задачу, ты меня прости.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Эй, Болька, где ты пропадаешь? Колька?

БОЛЯ

Мать кличет. Поднялась в такую рань!

ЧКАЛОВ

А не обидется ты?

БОЛЯ

А насколько.

На что же обижаться, если дрянь?
Спасибо за науку. Вы купались?

ЧКАЛОВ

Да, только что, за лозняками.

БОЛЯ

Эх!..

Сработаю модель на этот палец!
А в сентябре бы в школу...

ЧКАЛОВ

Что за спех?

БОЛЯ

Не я спешу.

ЧКАЛОВ

А кто ж тебя торопит?

БОЛЯ

Как кто? Страна! Я для того и рос.
Когда мы спрашивали о Европе,
Что вы нам отвечали на вопрос?
Припомните: «Не за горами войны».

ЧКАЛОВ

Еще раз повторяю: не спеши.
Смотри, как светел мир — зеленый, хвойный.
Прекрасный мир для молодой души.
Могучая Россия. Пусть же долго
Она шурует в славе и красе!
Пускай Ока и Кама, Дон и Волга,
Все наши реки и народы все
Сольются для великой братской дружбы!
А ты расти на воле сто тодов,
И только будь готов для всякой службы,
Для мира, для войны.

БОЛЯ

Всегда готов!

Я знаю сам, что подождать не худо.
И время в лес не убежит, не воле.
И лет мне мало... Спрячусь я покуда
От матери.

ЧКАЛОВ

Из Больки выйдет толк!

Входит мать Коли.

МАТЬ КОЛИ

Прости, Валерий Павлович, старуху.
Зря ты волнуешь нашу молодежь.
Приехал к нам, повсюду внес разруху
И, как цыган, детей у нас крадешь.

БОЛЯ

А я то, мама, слышу все.

ЧКАЛОВ

Вот, славно!

Предатель, Боля!

БОЛЯ

Ладно, ухожу.

ЧКАЛОВ

Выкладывай, в чем дело, Николавна?
Чем насолил я?

МАТЬ БОЛИ

Вот что я скажу:

Наш Колька сам не свой, не спит ночами,
Гуляет, жжет костры у рыбаков,
Не зазовешь домой и калачами.

ЧБАЛОВ

Да так и падо, мать! Я сам таков.
Спроси отца, в каких я драках вырос.
Он не мешал: и сам был не смиравей.
Бывало, в пасху ждут его на кширос,
А он гулять с компанией парней,—
Живут, как птицы, день, и два, и восемь...
Где впроголодь, где поплодают кость...

МАТЬ БОЛИ

А мы тебя, Валерий Пальч, просим,
Раз ты наш депутат и славный гость,
Нежалуйста, не балуй наших деток.
И сам не молод. Сам угомонись
Для дела государственного.

ЧБАЛОВ

Этак

Все государство ты потяпешь вниз.
Россия сядет стопудовым задом
На древние, родимые места,
По свалкам, огородам, шалпсадам,
Лет, скажем, на сто.

МАТЬ БОЛИ

Вот и красота!

Входят учитель и Клава

УЧИТЕЛЬ

Эге, да тут дискуссия!

МАТЬ БОЛИ

Учитель!

Хоть ты бы защитил своих ребят.

УЧИТЕЛЬ

Кто из ребят нуждается в защите?

МАТЬ БОЛИ

Все. Неслухи, озорники, грубият...

УЧИТЕЛЬ

Кого же защищать? Тебя от Боли?
Сама сумеешь! Взмыль ему вихор!
Я утверждаю, что ребята в школе
По дисциплине все идут на «хор»...

КЛАВА

Ну, конечно, спешились...

ЧБАЛОВ

Видно, Клава,
Придется нам с тобой их разнимать.

МАТЬ БОЛИ

Валерий Пальч, это не забава,
А горе материнское. Я — мать!

ЧБАЛОВ

Опомнись, мать! Откуда, что за горе?
Мальчишка твой способный, боевой,
Напористый. Не правда ли, Григорий?

УЧИТЕЛЬ

Я за него ручаюсь головой.

ЧБАЛОВ

Вот это лихо!

МАТЬ БОЛИ

Все-то вы лихие!

КЛАВА

На том стоим!

МАТЬ БОЛИ

Под вами и горит!

Уходит

УЧИТЕЛЬ (развертывает газету).

А из Мадрида вести неплохие.
Живет республиканский наш Мадрид!
Смотри на карту. Вот она, Европа,
Великая, несчастная земля,
Исхоженные, выжженные тропы,
Костер шопов и плаха короля.
Вот, вот она, истыканная в штабах,
Кордонами шрезавная вдырызг.
В концлагерях, на каторжных этапах.
Ее названья — горе, ярость, риск.
Швырнуть ее на стол, прикрыть ладонью
Куски морей и полуострова,—
Из-под руки тебя ошпарят вонью
Вязанки трупов толых, как дрова...
Я с малых лет, еще на школьной парте,
Мечтал бродить пешком по всей земле
Иль плавать юнгой. Я чертил на карте
Рейс из Батума до Ша-де-Кале.
И вот сейчас, очкастый, бородастый,
Своим мечтам учу других ребят,
И чувствую, ей-богу, как когда-то,
Что юности года не встрелят.
Я, может быть, летал бы с Циолковским...

КЛАВА

Чудак учитель!..

ЧБАЛОВ

Ты-то хороша.

Небось, во сне по улицам московским
Гуляешь, от восторга не дыша.
Поешь Татьяну звонко, но пресверно.
Постой! Тебя в суду мы привлечем...
И в летчика влюбляешься наверно...

КЛАВА

Валерий Павлович, вы-то здесь при чем?

ЧКАЛОВ

При том, что я готов служить подножьем
Для молодости, глупая, твоей.

УЧИТЕЛЬ

Не обессудь, но мы тебя тревожим,
Товарищ Чкалов, попусту, ей-ей!

ЧКАЛОВ

Брось ты, Григорий, как не стыдно! Мне бы
Всю жизнь гулять в обнимку с земляком,
Смотреть на Волгу, на леса, на небо,
На девушку, с которой незнаком,
Но познакомлюсь, кажется, мгновенно!

УЧИТЕЛЬ

А девушка краснеет и дрожит.

ЧКАЛОВ

А я ей вру о чем-то вдохновенно.

УЧИТЕЛЬ

А девушка...

ЕЛАВА

А девушка бежит.

Убегают

ЧКАЛОВ

Ишь как раздулась тученька, смотри-ка.
Сейчас как полыхнет, да как полетит.
Оттуда, Больба?

ГОЛОС БОЛЫ

К вам бегу из Риска

ЧКАЛОВ

Скорей бегу.

ГОЛОС БОЛЫ

Лечу, как самолет.

Молния. Близкий раскат грома

ЧКАЛОВ

Я с детства обожал грозу на Волге,
Гром с перекатом, как пастуший бич,
И молнию, и дождичек недолгий,
Да проливной.

Еще одна молния

КОЛЯ

Валерий Па-вло-вич!..

Вам молния, Валерий Палыч!

ЧКАЛОВ

Дай-ка.

М-да! Завтра же, выходит, надо в путь.
Не думай, не гадай... А где ж хозяйка?
Поклеить-ка Ольгу. В доме где-нибудь.

Коля уходит

ГРИГОРИЙ

До встречи! Вечерком я загляну.

ОЛЬГА

Ты звал меня?

ЧКАЛОВ

Читай. Нарочно встретил
Тебя не среди близких, а одну.

ОЛЬГА

Конечно, это снова испытанье?

Он утвердительно кивает

Ответственное?

Та же игра

Знаешь, как и что?

ЧКАЛОВ

Ты сохранишь все, что скажу я, в тайне.
Большое дело нами начато.

Машина боевая. Страшной мощи.

Тип совершенно новый. Штурмовик.

Решили, значит, строить. Скажем проще:

Война близка. Все ближе, что ни миг.

Но только до бури, до пожара,—

Рассчитываю я,— Сталин нас пошлет,

Как обещал, вокруг земного шара.

Вот будет, Леля, звездный перелет!

До ужина пойти я в город должен:

Хоть голд загнать футбольной голытьбе,

Хоть попрощаться засветло с Поволжьем.

Итак, еще последнее — тебе:

Верь в счастье мое.

ОЛЬГА

Неколебимо!

ЧКАЛОВ

Блявись, что веришь.

ОЛЬГА

Как боец в строю!

ЧКАЛОВ

Как мне назвать тебя?

ОЛЬГА

Своей любимой.

ЧКАЛОВ

Как сохранить?

ОЛЬГА

Как молодость свою.

ЧКАЛОВ

Навеки вместе?

ОЛЬГА

Ты уже ответил.

ЧКАЛОВ

А в облаках на высоте любой
Как мне тебя услышать?

ОЛЬГА

Слушай ветер.

ЧКАЛОВ

Как быть тебя достойным?

ОЛЬГА

Будь собой!

ЧКАЛОВ

Спасибо! А теперь идем прощаться.
Жить! Веселиться! Собираться в путь!
Для каждого друга и домочадца
Отыщем ласковое что-нибудь.

Оба уходят

ГОЛОС КЛАВЫ

Эй, Коля, где ты пропадаешь?

Из кустов выходит Коля

БОЛЯ

Плохо.

Выходит, я подслушивал. Беда...

КЛАВА

Как леший, вылез из чертополоха,
Весь в листьях, в глине, в ссадинах...

БОЛЯ

Ну, да.

Упал, ушибся...

КЛАВА

И притом сконфужен.

БОЛЯ

Пусти меня!

КЛАВА

И колешься, как еж...

БОЛЯ

Пусти, я говорю! Мне Чкалов нужен,
А не девочка.

КЛАВА

Вот как ты поешь...

БОЛЯ

Кто я ему? Один из тысяч. Колька.
Вихрастый. Весь испачканный. И вдруг
Он улетает. Выговорить только:
Валерий Чкалов. Мой любимый друг.
Он улетает. И пускай. И хватит
Ему гулять. Есть поважней дела.
Конечно, он об этом слов не тратит,
Не хвастает, как баба бы могла.
И я не буду хвастать. Но назначу
Срок для себя. И в шалаше, в лесу,
Все переделаю, перешначу
И Чкалову работу принесу.
Потом вернусь лет, скажем, через двадцать
В наш город, в Василево... но верней,
Что Чкаловском он будет называться...

И буду сам учить других парней.
И твой сынишка,— Клава, да не смейся!—
Вихрастый, весь испачканный, поймет,
Что нет конца для чкаловского рейса,
Что он умчался в звездный перелет.
Пускай он улетает. Слышишь, Клава?
Моя дорога только пачата.
Но у меня есть больше, чем слава...

КЛАВА

Но что же это, Коленка?

БОЛЯ

Мечта!

7

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ ВЕДУЩЕ

Мечта направленья берет
Съезжает время, сквозь время, сквозь время —
вперед!

И вот уже год, и другой миновали,
И третий мелькнул в безвозвратном обвале.
Четвертый кончается вьюжной порой.
И к людям торопится сорок второй.
Война. Боевая тревога. Сраженья.
Пускай помогает вам воображенья
На маленькой сцене в пятнадцать шагов
Представить поля подмосковных снегов.
Услышьте гуденье моторов огромных
На наших завьюженных аэродромах.
Одна из машин направленья берет
На запад, на запад, на запад — вперед!

8

Боевой аэродром дальнего действия. Ночь.
Весна 1942 года. Командир авиасоединения
и комиссар.

КОМАНДИР

Ноль ноль пятнадцать. По моим расчетам,
Пора им возвращаться.

КОМИССАР

Ну и жуть!

Темным-темно. Пойдите!

КОМАНДИР

Что еще там?

Летят?

КОМИССАР

Летят.

КОМАНДИР

Ошиблись вы, чуть-чуть,
Ослышались, товарищ. Это ветер.
Шальная гонка магбетовых ведьм.

КОМИССАР

Какая жуть на всем на белом свете!
Да и недаром говорится ведь:
Особый стиль сорок второго года,—

Метели в марте и октябрь весной.
По всем статьям, нелетная погода!

КОМАНДИР

Простите, но я спорщик записной:
Насчет нелетной все-таки поспорим.
Для русских здорово, — для тех каюк!
Недаром нам зима была подспорьем,
А немцам непоздоровилось от выюг.

КОМПССАР

По странно, что опаздывают наши.
Что там стряслось? Не может быть, чтобы...

КОМАНДИР

Будьте спокойны. Улизнут из наших,
Поставят небо к чорту на дыбы,
Но вынырнут. Ребята боевые.
Все на подбор. Отличное звание!

КОМПССАР

Ребята первый сорт! Но ведь впервые
На этой трассе.

КОМАНДИР

Маленькое «но».

Блажен, кому позволено быть первым.
Блажен, кто пробивает путь вперед.
Блажен, кто не останется резервом —
Он лучшее, поверьте мне, берет.
Быть первым — это значит вырвать счастье
Из рук необходимости любой.
Быть первым — это быть ударной частью
И победить, когда начнется бой!

КОМПССАР

Прислушайтесь. Как будто загудели?
На этот раз как будто не обман.

КОМАНДИР

А ну-ка... Неужели в самом деле?

КОМПССАР

Летят?

КОМАНДИР

Летят! Прорвались сквозь туман.

Близкий рев моторов нарастает и звучит
грозной симфонией. Перед зрителями открыва-
ется землянка. Командир и комиссар при-
нимают прилетевших. В одном из них не-
трудно узнать возмужавшего василевского
паренька Колю

НИКОЛАЙ

Как я докладывал, в тринадцать сорок
Мы взяли курс на запад, на врага.
Был каждый час отсчитанный нам дорог,
Нет, каждая секунда дорога.
Летим. Летим. Шод наши только вата.
Над Балтикой сплошная мгла и муть.
Дорога, скажем прямо, трудновата,
Без кислорода просто не дыхнуть.

Одни приборы малость помогали.

И вот вам крест, товарищ комиссар,
Мы в точный час, когда предполагали,
Шли в разворот на бомбовый удар.
Порядок! Невидимкой, но у цели.
Фашистский город движется во тьме.
Вот он уже на боевом прицеле...
Тут я прикинул кое-что в уме,
Нажал рычаг. Встряхнуло. Что-то тихо.
Секунд пятнадцать ждем и не глядим.
И вдруг внизу как бахнула шутиха,
Как прорвало, как взвился черный дым!
Порядок! Снова посылаем слиток
В полтошны весом. Тут-то, — мать честна! —
У них пошла писать пальба зениток,
Вслепую, как шопало, как со сна.
Прожектора плясали в страшном тапце,
Рогами в тучи тыкались со зла.
А между тем от их электростанций
Остались только пепел и зола.
Взошла луна. Под нами дым пожарами,
Вокруг зенитный мечется огонь.
Ну, думаю, теперь пора, товарищ,
Пора домой — спастись от погонь.
Не тут-то было. Некуда! Не шутка!
Как ни верти, мы в огненном кольце!
Мне, скажем прямо, сразу стало жутко.
И Шетька мой меняется в лице,
И Федор Дмитрич ежится как-будто.
Ну, я пред вами хвастать не привык,
Подробностей описывать не буду.
Я сделал все, что должен большевик:
Ударил в лоб опасности и вышел
Из первой схватки целым потоку...

КОМАНДИР

Мне очень мило все, что я услышал.
Без лишних слов тебя я обниму.
Ступай и отдыхай, голубчик! Ты ведь
Устал, как чорт.

НИКОЛАЙ

Иван Ильич, пойми,

Твои заботы могут опротиветь.
Да разве так ведется меж людьми?
Да разве это водится на свете —
Такую ночьку лежа провести?
Товарищ комиссар, хоть вы ответьте:
Ведь так?

КОМПССАР

Да не трясь меня,пусти!

НИКОЛАЙ

А вы, друзья, что ж вы молчите оба?

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ЛЕТИКИ

Иван Ильич, не обижайте нас.
Иван Ильич, позвольте! Мы до гроба
Вас будем помнить. Посидим хоть час.

КОМАНДИР

Взмолились? Если так, готовы ушли.
Где хлеб, где водка? Все на стол, сюда!

НИКОЛАЙ

Кто тамада?

КОМАНДИР

Нам тамада не нужен.
А чтоб не спорить, сам будь тамада.

НИКОЛАЙ

Я забываюсь...

КОМАНДИР

Мы тебя отучим.

НИКОЛАЙ

Я спутаюсь.

КОМАНДИР

Тогда прошу, молчи.

НИКОЛАЙ

Недаром я летел сюда по тучам
И чуть не спутал адреса в ночи...

КОМИССАР

Постойте-ка, товарищи! Вот дьявол!
Мерещится мне... Что за ерунда!

КОМАНДИР

Да ты как будто шод водою плавал!

КОМИССАР

Все это было раньше... Но когда?
Со мной, с тобой... Тому назад лет восемь...
Лет семь или шесть, а может быть и пять...

НИКОЛАЙ

Я предлагаю песню.

ВСЕ

Просим, просим!

КОМАНДИР

Ну, вспомнил все?

КОМИССАР

Нет, позабыл опять.

НИКОЛАЙ

На запад, на запад, на запад — вперед!
Нас за сердце доблесть людская берет.
На запад, друзья, по испытанной трассе,
Чтоб Геринг затрясся, чтоб Геббельс затрясся,
А Гитлер увидел предсмертные сны.
Мы первые ласточки грозной весны:
Закружимся вихрем. Пройдем ураганом.
Ведь родина только одна дорога нам.
Товарищи, наш наступает черед.
На запад, на запад, на запад — вперед!

КОМИССАР

Откуда эта песня?

НИКОЛАЙ

Я считаю,
Сама сложилась.

КОМАНДИР

Песня хороша!

НИКОЛАЙ

Есть одна любимая, простая,
Заветная! Споемте не спеша.
Поруганные области
Взывают к нашей доблести
Взывают к нашей силе
И чести боевой,
Чтоб мы врагов сбросили,
Смелли, как под Москвой.
Стальные танки двинутся,
Родные крылья ринутся,
И не пройдет и года —
Посеем мы как раз.
И стихнет непогода,
Ей Сталин дал приказ.
Эх, вспоминать бы мне под звон богалов,
Не наспех бы... Да трудно утерпеть.
Ведь кажется, вчера Валерий Чкалов
Учил меня мечтать и песни петь.
Ведь кажется, вчера я рос над Волгой...
И вот я вижу всю ее красу,
Карабкаюсь по круче долго-долго,
Но молнию для Чкалова не су.
Да, молнию! — Пожалуйста, наполни
Мне довершу. — Тогда была гроза,
И я схватил одну из этих молний...
Пожалуйста, не смейтесь мне в глаза.
Он молнию прочел, и очень скоро
Простился с нами, и уже к утру
Испытывал машину, на которой
Я разбомбил фашистскую нору.
Как у мальчонки, билось сердце шибко.
Как я спешил... Боялся, что нельзя
Проститься с ним. А может быть, ошибка.
Что молодость мне вспомнилась, друзья?!

КОМАНДИР

Ну, что ты, милый! Мы еще поможем,
И Чкалова помянем от души.
Воспоминанья на мечты помножим...

НИКОЛАЙ

И в честь героя...

КОМАНДИР

Тихо, не спеши!
Есть в Грузии один обычай славный.
Там за родных умерших пьют всегда
Как за живых, всей чашею заздравной.
Да здравствует Валерий Палыч!

НИКОЛАЙ

Да!

Он с нами был во мраке, над крошечным

Фашистским краем. С нами был везде.
Всегда, в любом задании, самом спешном,
В любом бою, в удаче и в беде.
Он с нами будет — тот широкоплечий,
Простой, веселый русский человек!
Куда мы там ни полетим далеке,
Он будет с нами, завтра и навек!

КОМАНДИР

Ну, милые, пора на боковую.

НИКОЛАЙ

Иван Ильич, ей-богу, не пора!
Я песенку спою вам мировую,
На этот палец. Подождем утра.

КОМАНДИР

Пой, Николай. Я подтяну, отбросив
Лет, скажем, десять с плеч, но прохриплю.

Телефонный звонок

У телефона. Слушаю, Поешь
Высарюныч!

КОМИССАР

Тихо!

КОМАНДИР

Нет, не сплю.—

Спасибо вам.— За все.— Вот и за это.
Да. Все со мной.— Да, самый боевой.—
Он тоже здесь.— От вашего привета,
Боюсь, он будет завтра сам не свой!—

Исполню. Будет сделано.— Отлично.
Прикажете вам завтра доложить?—
Благодарю вас!— Ясно все.— Вам лично.

Кладет трубку

Ну, Коля, слушай. Будешь долго жить.
Ты награжден. По случаю такому
Сегодня утром снова твой черед.
Летишь на запад. Вот приказ наркома:
Всегда на запад и всегда вперед!

НИКОЛАЙ

Так. Есть на запад! Есть вперед!

КОМАНДИР

По помни:
Он приказал мне жизнь твою беречь.

НИКОЛАЙ

Но за него и жизнь отдать легко мне.

КОМАНДИР

Спокойно, Коля. Не об этом речь.
Пойми, как Сталин прост и благороден.
Пойми его до глубины, до дна.
У нас одна ведь, а не сотня родин.
И жизнь одна. И молодость одна.
Будь трижды смел в бою и трижды зорок,
И трижды жив и трижды невредим.
Ты бесконечно нужен нам и дорог.
И мы тебя бессмертьем наградим!

Аркадий повел вокруг себя глазами. Затуманенный взгляд его упал на пленных, проходивших мимо.

— Нет,— прошептал он.— эти жабы не дождутся, чтоб Аркадий Дзюбин умер.

Он слегка приподнялся и тотчас упал на подставленные Сашей руки.

Но даже страшная боль от раны в голове не могла сломить этого человека. И улыбка, насмешливая и слегка надменная, непобедимая дзюбинская улыбка сияла на его окровавленном лице».

Не все у Л. Славина удачно. Жаль, на-

пример, что интересно задуманный и, кажется нам, нужный в повести образ майора Чернова остался только намеченным, жаль, что кое-что показано бегло, схематично, но будем благодарны писателю и за то, что он дал— за хороший почин: Аркадий Дзюбин и Саша Свинцов одни из первых вошли в галерею героев советской художественной литературы о великой отечественной войне, уже создающейся в дни ожесточеннейших сражений.

В. Герасимов

Редколлегия: В. П. Ильенков, П. А. Павленко, Ф. И. Панферов,
И. В. Шамориков, С. П. Щипачев, М. М. Юнович (отв. секретарь)

Адрес редакции: Москва, Б. Черкасский пер., 10/2. Телефон: К 3-44-22

17-й год издания. Подписано к печати 29/VIII 1942 г. Тираж 25 тыс. экз. А61286
Печ. листов 8¼. Уч.-авт. листов 15. В печ. листе 76.920 зн. Цена 5 руб. Зак. 430

18-я типография треста «Полиграфкнига». Москва, Шубинский пер., 10